

Следующие реплики Сяо Цаньсин разительно отличались от того, что он себе представлял. Она говорила неторопливо и спокойно, и никак нельзя было догадаться, что в её семье произошло серьёзное несчастье. Лишь в отдельных фразах можно было уловить едва заметные изменения в её взгляде. Гу Чуньлай не знал, все ли матери такие: перед лицом катастрофы, когда их уже практически загнали в угол, они всё равно остаются спокойными перед своими детьми, рассказывая только о хорошем и умалчивая о плохом.

Примерно через минуту на сцене появилась Юй Цяньфань. Она прервала диалог двоих, взглянула на Сяо Цаньсин, затем спросила Гу Чуньлая:

— Кто это?

В этот момент она естественным жестом положила руку ему на талию.

— Кат! Ещё раз! — крикнул Фан Цю. — Цяньфань, в этот раз ты была слишком близка, немного убавь.

Юй Цяньфань глубоко вдохнула и кивнула.

Актёры вернулись на свои места, и съёмки начались снова. Сцена между Гу Чуньлаем и Сяо Цаньсином прошла без изменений, но когда дело дошло до Юй Цяньфань, режиссёр снова остановил съёмку, указав на ту же проблему. На этот раз Юй Цяньфань не вернулась на своё место. Она подошла к режиссёру, её лицо было серьёзным.

— Я считаю, что моё понимание правильно, и моя игра не имеет ошибок!

Её голос был негромким, но твёрдым, и Гу Чуньлай был уверен, что многие на площадке её услышали. Он, опасаясь ссоры, инстинктивно двинулся в её сторону, но на полпути был остановлен жестом Сяо Жофэя. Тот дал понять, что беспокоиться не стоит, и что он сам разберётся, если что-то пойдёт не так.

Фан Цю, однако, сохранял спокойствие. Несмотря на то, что Юй Цяньфань была выше его на полголовы, он говорил уверенно и терпеливо излагал свою точку зрения.

— Лю Мэйцзе в конце плачет, прощаясь с Чжоу Сяоча, разве это не чувства? К тому же ей почти тридцать, у неё были отношения с парнем, и в те времена все считали, что они поженятся. Но этого не произошло, и она, естественно, чувствовала себя неуверенно. По крайней мере, в тот момент, если бы Лю Мэйцзе услышала голос другой женщины, она бы почувствовала угрозу, разве нет?

Стороны продолжали спорить, каждая настаивая на своём.

— Давайте попробуем ещё раз, хорошо? — голос Фан Цю стал ещё более твёрдым.

Гу Чуньлай заметил, что Юй Цяньфань начала нервничать. Даже Сяо Цаньсин подошла к ней, чтобы успокоить. Та снова легла на кровать, накрывшись одеялом, скрыв свои изящные плечи и шею.

— Режиссёр, можно немного подождать? — Гу Чуньлай повернулся к Юй Цяньфань, которая уже приняла позу. — В прошлые два раза, после того как я открыл дверь, я выходил. Может, в этот раз я не буду выходить, а останусь в дверном проёме, одной рукой опираясь на косяк, а другой держась за ручку. Только верхняя часть тела будет выглядывать, а нижняя останется внутри. Ведь за дверью мать, и если выйти, это будет выглядеть, как будто я её выгоняю. А так,

даже если вы положите руку на мою талию, это не будет так заметно. Как вам?

Юй Цяньфань бросила на него быстрый взгляд, её выражение было трудно прочесть. У Гу Чуньлай не было времени размышлять над её взглядом, он лишь повторил своё предложение, чувствуя, что время поджимает.

После недолгого размышления Юй Цяньфань наконец согласилась с его идеей.

В третий раз, когда съёмки дошли до этого момента, Гу Чуньлай снова почувствовал её руку на своей талии. Режиссёр, похоже, был доволен изменением и не остановил съёмку, позволив сцене продолжаться до самого конца.

Эта не такая уж длинная сцена заняла два часа, и к её завершению солнце уже почти скрылось за горизонтом. Небо потемнело, температура резко упала, но, к счастью, режиссёр наконец объявил: «Снято!» и перешёл к следующей сцене.

Несколько ассистентов Юй Цяньфань тут же подбежали к ней с чаем, водой и тёплой одеждой, так что Чжан Ичэн не смог подойти, лишь беспомощно стоял в стороне. Гу Чуньлай сказал ему не беспокоиться, ведь он уже привык, что лишняя минута или её отсутствие не имеют значения.

Его больше беспокоил его партнёр по съёмкам.

После того как режиссёр одобрил сцену, Юй Цяньфань исчезла. Он быстро оделся, не обращая внимания на слова Чжан Ичэна, и бросился её искать. Её не было на съёмочной площадке, в столовой, она не появилась и в округе. Гу Чуньлай обошёл всё вокруг и наконец нашёл её на каменной скамье за зданием.

Юй Цяньфань, которой было тридцать три года, была его старшей на два курса и на два года старше Сяо Жофэя. Говорили, что она провалила экзамены в первый год, но на второй год вернулась, заняв первое место по культуре и специальности, став легендой в университете. Она не была милой и доступной, не была и ослепительной красавицей, а скорее относилась к тому типу людей, которые держат дистанцию и с которыми трудно сблизиться.

Гу Чуньлай не решался подойти сразу, не зная, как начать разговор, чтобы не показаться бестактным. Юй Цяньфань поманила его жестом, и он подбежал, закутавшись в пальто, сел на землю, скрестив ноги.

— Старшая сестра, вы устали, — подняв голову, Гу Чуньлай улыбнулся ей.

— Вставай, на земле холодно, не замёрзни.

Увидев, что она не такая холодная, как о ней говорят, Гу Чуньлай немного придвинулся и сказал:

— Всё в порядке, старшая сестра, не беспокойтесь. У меня горячая кровь, я не замёрзну. Посмотрите, мне ещё нет тридцати, а у меня уже много седых волос.

Он даже откинул волосы, чтобы показать ей.

— Какие седые? Они чёрные, как смоль.

Юй Цяньфань улыбнулась, достала из кармана костюма сигарету, закурила. Красный свет

заката окутал кончик сигареты, упал на угол её глаза, создавая впечатление, будто она плачет.

Гу Чуньлай хотел что-то сказать, но, подумав, промолчал.

В конце концов первой заговорила Юй Цяньфань:

— Я тебе действительно завидую.

Завидую. Обычно это он завидовал другим. Гу Чуньлай и представить не мог, что кто-то может завидовать ему. Ему стало смешно, и он рассмеялся.

Увидев его реакцию, Юй Цяньфань стала ещё холоднее, глубоко затаилась и выдохнула. Белый дым завис в закате, окутал её лицо, её пальцы, а потом добрался до Гу Чуньлая и остановился у него на плече.

Дым был густым и крепким, гораздо сильнее, чем тот, что он курил раньше или чувствовал сейчас. Он не был готов и закашлялся.

— Прости, не стоило заставлять тебя дышать этим дымом.

Юй Цяньфань затушила сигарету и положила в рот несколько мятных леденцов.

— Ничего... кхм... — Гу Чуньлай сказал, чтобы она не переживала. — Я тоже когда-то курил.

— Потом бросил?

Уголки губ Гу Чуньлая непроизвольно поднялись:

— Бросил. Кто-то заставил, иначе нельзя было, иначе он бы пострадал.

— Это уже история... А твой спонсор знает? Если нет, то лучше быть осторожным.

— Что? — голос Гу Чуньлая изменился, он чуть не упал на землю. — Спонсор? Я что, у меня есть спонсор?

Юй Цяньфань с интересом наклонилась к нему, как будто открыла для себя новый мир, и, прикрыв рот рукой, сказала:

— Ну, Сяо Жофэй.

— Нет-нет, старшая сестра, вы ошибаетесь. У нас с ним нет никаких финансовых или физических отношений. Мы просто однокурсники, ничего больше.

Юй Цяньфань наклонилась ещё ближе, прищурилась, словно хитрая кошка, и тихо спросила:

— А этот фильм он тебе не дал?

Гу Чуньлай подумал. Сказать «нет» было бы самообманом, поэтому он кивнул.

— Ты понимаешь, насколько это ценный ресурс?

Он не осмелился делать выводы. Сяо Жофэй говорил, что для таких звёзд, как Бай Яньнань, этот проект с новым режиссёром и известными актёрами не является чем-то особенным. Ведь есть множество работ известных режиссёров, которые могут принести награды и признание.

Но Гу Чуньлай всегда считал, что возможность играть вместе с легендарными актёрами — это уже огромная удача, большего и не нужно.

Он просто ответил:

— Не уверен?

Юй Цяньфань улыбнулась, слегка щёлкнула его по лбу, а затем, подперев подбородок рукой, сказала:

— В следующий раз, когда тебя будут спрашивать о таком, не отвечай так глупо.

— Но мы же все в одной команде, старшая сестра. Вы спросили, и мне нечего скрывать.

— Дурачок, ты правда такой? Что, если я запомню это и потом решу тебя подставить, написав что-то вроде «Гу Чуньлай высокомерен, топчет своих коллег, ругает съёмочную группу»?

— Старшая сестра, вы не такая, — улыбка Гу Чуньлая не исчезла.

Последний луч солнца пробился сквозь волосы Юй Цяньфань и упал на его лицо, осветив его наполовину.

— Если бы вы были такой, вы бы не спорили с режиссёром и не согласились бы изменить свою игру ради моего понимания. И если бы вы были такой, вы бы не стали меня предупреждать, правда?

В глазах Юй Цяньфань мелькнуло удивление, но она быстро взяла себя в руки, оставаясь холодной, но не колючей.

— Прикидываться милым у тебя получается неплохо.

— Старшая сестра, вы слишком добры. Я не прикидываюсь милым, просто считаю, что если мы все вместе снимаем фильм, то лучше быть искренними друг с другом.

Гу Чуньлай втянул носом воздух, обнял колени и накрыл пальто свои ноги.

— Чтобы фильм получился хорошим, нужно работать вместе и поддерживать друг друга.

<http://bllate.org/book/15563/1415627>